

Никодим Успенский

**пепел на
серебряных
клыках**

Никодим Успенский

пепел на серебряных клыках

<https://litres.ru/74583642>

SelfPub; 2026

Аннотация

МИР поглотил зомби вирус. Но Сгинуть человечеству не позволили они- демоны ночи и оборотни. чем обернется спасения и так ли просто все на самом деле?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Никодим Успенский

пепел на серебряных клыках

Глава 1

Пепел на серебряных клыках

Смерть перестала быть концом. Она стала скверной, липкой, гниющей протоплазмой, которая ползла по венам планеты. Чума, прозванная в первые дни «Алой Хворью», сожрала девяносто процентов человечества за полгода. Она не брала пленных и не оставляла пепла. Она просто вынимала из человека душу, сшивала гнилыми нитками остывающее мясо и выпускала его бродить в поисках тепла. Миллиарды пустых, голодных глаз, в которых не отражалось небо. Цивилизация осыпалась ржавой трухой, и на ее руинах остались лишь мы- те, кто не успел умереть, и те, кто никогда не был по-настоящему жив.

Они вышли из тени не ради спасения двуногих паразитов. Они вышли, чтобы спасти свою кормовую базу. Но люди об этом не догадывались. Любая сила способная помочь в выживании воспринималась людьми как нечто божественное.

Вампиры ударили первыми. Их не интересовали бункеры,

в которых за стальными гермодверями сходили с ума последние генералы. Их манили мегаполисы — гниющие улы, где еще теплилась густая, отравленная страхом кровь.

Ночь перестала быть временем суток. Она стала их государством.

Я помню вечер, когда пал Нижний Манхэттен. Небоскребы, еще недавно пронзавшие облака, превратились в черные клыки, пьющие лунный свет. Твари — обращенные чумой — шли сплошной, шаркающей стеной. Их мертвые мышцы двигались с монотонностью часового механизма, а челюсти щелкали в такт шагам. Но на их пути встала пепельная гвардия бессмертных существ. Предводительница ночных хищников Изольда, чья кожа напоминала старинный фарфор, а в глазах плескалась вечная, невыносимая скука, стояла на крыше Эмпайр-стейт-билдинг. Она не обнажила клыков. Она просто вскинула руки, и густой, маслянистый туман, пахнущий озоном и старым склепом, хлынул вниз. Туман не убивал. Он дарил абсолютную тишину. Мертвые мозги зомби, работавшие на одной-единственной частоте — частоте голода, — глохли. Они замирали посреди Бродвея, сталкивались друг с другом, как слепые марионетки, и падали на асфальт. А затем из теней шагали Старейшины. Их бледность была ослепительной в мертвенном свете натриевых фонарей. Они не пили. Они рвали. Их движения были быстрее человеческой мысли, а когти вспарывали гнилую плоть чище любого скальпеля. Они собирали свою жатву, восстанавливая древ-

ний, хищный баланс.

Но у клыков есть один фатальный изъян — солнце. Когда первые лучи касались горизонта, вампиры отступали в свои катакомбы, оставляя за собой лишь горы искромсанной, дымящейся плоти. И тогда на авансцену выходили они.

Оборотни. Дети луны, чья ярость была первобытнее любого вируса.

Если вампиры были хирургами, отсекающими зараженное, то волки стали лесным пожаром, выжигающим скверну дотла.

Их когти, отлитые из лунного серебра в забытых кузницах Сибири и закаленные морозом, рвали мертвую шкуру, как промокшую бумагу. Серебро жгло гниль, заставляя вирус корчиться в агонии, мороз добивал остатки плоти. Там, где проходил прайд альфа-вервольфов, земля проседала под тяжестью их ярости. Они не просто убивали. Они перемалывали. Огромные, покрытые жесткой, пахнущей мокрой псиной и озоном шерстью, они врывались в осажденные анклавы людей, снося баррикады из брошенных машин. Зомби пытались рвать их зубами, но челюсти соскальзывали с шкуры, а вирус в их слюне мгновенно распадался от яда оборотнической крови.

Я видел, как вожак Северной стаи, седой гигант по имени Громовержец, в одиночку держал мост через Волгу. Его хребет бугрился стальными мышцами, а из пасти, полной кинжальных зубов, валил пар. Он стоял живым тараном, прини-

мая на себя волну из сотен гниющих тел, и каждым ударом тяжелой лапы превращал их в багровое месиво. За его спиной жалась люди — бледные, истощенные, пахнущие потом, порохом и отчаянием. Те самые, чьи предки веками жгли их на кострах и отливали для них серебряные пули. Теперь эти люди передавали по кругу флягу с теплой водой и молча смотрели на своего мохнатого бога войны.

Симбиоз получился уродливым, кровавым и до дрожи прагматичным.

Люди отдали им то, чего не могли дать ни мертвецы, ни собственная природа бессмертных. Мы отдали им свои руки. Мы строили для вампиров подземные артерии — зеркальные тоннели, по которым лунный свет, пропущенный через систему полированных стальных труб, доставлялся в их дневные убежища, позволяя им перемещаться между городами. Мы переплавили церковную утварь, фамильные сервизы и музейные реликвии в пули и наконечники копий для волчьей стражи. Мы стали их оружейниками, их инженерами, их глазами при свете дня. Выращивали травы и растения для оборотней, собирали кровь для вампиров.

А они платили нам безопасностью.

Теперь мир выглядит иначе. Днем по выжженным солнцем пустошам курсируют бронированные караваны, охраняемые людьми с автоматами и редкими, прирученными волками-одиночками. Города превратились в укрепленные крепости, над стенами которых днем реют штандарты из кевла-

ра, а ночью — черные знамена с серебряной вышивкой.

Вчера я стоял на Стене — циклопическом рубце из бетона и арматуры, опоясывающем то, что осталось от Москвы. Внизу, в мертвом поясе, бродили остатки чумы. А здесь, наверху, под тусклыми фонарями, застыли в карауле двое. Слева — Илай, ночной аристократ из клана Носферату. Его тонкие пальцы, способные за секунду сломать стальную балку, бережно перебирали струны старой гитары, извлекая из нее меланхолический, хрустальный мотив:

-я свободееен.... словно птица в небесах

-я свободееен..... я забыл что значит страх....

Страх.... всю истинную суть этого слова люди осознали сполна. изначально столкнувшись с вирусом, довольно быстро были предприняты меры по зачистке вначале точечных скоплений, а затем и целых городов. не очень то и помогло на самом деле, гниляки размножались быстрее ветра. Затем не менее фееричное появление кровососов, чтоб их за ногу, и этих недоволков драных. бесят. ужасно раздражает их высокомерие по отношению к нам как к низшей расе, как к насекомым которых вдруг потребовалось защищать ценою жизни многих. Это сейчас все приспособились к войне, изначально многие тысячи были сметены несметной ордой зомбаков. Что то я отвлекся....

Справа — Рыжая, молодая волчица из Сибирской стаи. Она спала, свернувшись огромным клубком, но ее уши постоянно подрагивали, сканируя радиочастоты на предмет

мертвого, шаркающего ритма. В любой момент эта милашка могла вскочить и обернувшись на лету разодрать кого угодно за считанные мгновения.

Они не смотрели друг на друга. Им не нужна была дружба. Между ними лежал автомат Калашникова, на прикладе которого была выжжена новая руна — символ Единого Пакта.

Человечество не победило. Мы просто стали общим щитом. Маленьким, дрожащим, но отчаянно цепляющимся за жизнь островком тепла в новой, клыкастой и когтистой эре, где правит не разум, а древний, первобытный инстинкт выживания. И глядя на то, как лунный свет отражается в нечеловечески спокойных глазах вампира и горит янтарем в зрачках спящего волка, я понимал: мы проиграли право быть вершиной пищевой цепи, но, кажется, впервые за тысячелетия честно заслужили право просто дышать.

--

Глава 2

Старый бензовоз, брошенный на обочине федерального шоссе еще в первый год Падения, давно стал для них склепом на колесах. Внутри пахло застарелой гарью, остывшим металлом и безысходностью. Единственный люк на крыше был задраен изнутри тяжелым листом брони. Снаружи, в бархатной, непроглядной черноте ночи, бушевала их вечная, ненасытная орда. Миллионы шаркающих, гниющих ног переминали в пыль остатки цивилизации. Их утробный, монотонный гул — низкочастотный, вибрирующий стон — просачивался сквозь сталь, оседая на зубах мелкой, ржавой крошкой. Это была колыбельная мертвого мира, от которой сводило челюсти.

В центре ржавого нутра, на листе жести, плясал крошечный, изможденный огонек. Сухой спирт догорал, бросая на изможденные лица людей пляшущие, нездоровые тени

Марк, бывший инженер, чьи руки навсегда пропитались мазутом и отчаянием. Он кутался в драный синтепон, и его кадык судорожно дергался при каждом новом гортанном вопле мертвых.

Рядом с ним — Лена. Ее глаза, некогда цвета летнего неба, выцвели до серого пепла. Она механически, словно автомат, бинтовала ладонь подростку.

Сам подросток, Илья, четырнадцати лет от роду, смотрел

в огонь так, как верующие смотрят на чудотворную икону. Его левая штанина потемнела от крови — мертвец все-таки успел цапнуть его сквозь решетку ливневки, пока они бежали к грузовику.

— Они не остановятся, — первым нарушил молчание Марк. Его голос был сухим, как наждачная бумага. — Завтра они приволокут сюда остовы машин и заберутся на крышу. Послезавтра — сложат гору из своих же тел. Через неделю мы задохнемся в собственном дерьме. Это не осада. Это прилив. Вечный, грязный прилив.

— Можно уйти в катакомбы, спрятаются там как кроты— без выражения предложила Лена, затягивая узел на бинте Ильи. Мальчик зашипел от боли, но не заплакал. Слезы в этом мире закончились вместе с чистой водой.

— В катакомбах они нас услышат, спустятся, и поймут твой гниющий труп прямо на входе— прорычала Рыжая, не открывая глаз. Ее голос был низким, вибрирующим, застревающим где-то в глотке. — Там нет ветра. Мой слух там оглохнет от их сопения, нос перестанет дышать от гниющего смрада. Я чую их за милю на открытом воздухе, но под землей мы станем слепыми крысами в ведре, в котором и утонем держась за ручки и напевая веселую песенку

Илай медленно повернул голову. Движение было настолько плавным, что казалось покадровой анимацией.

— Вы мыслите категориями обороны, — прошелестел он. Его губы почти не шевелились. — Вы пытаетесь спрятать-

ся от потопа в картонной коробке. Мертвые — это не армия. У них нет стратегии, нет страха, нет жажды. Только базовый код. Размножение. Потребление. Они — геометрическая прогрессия, пожирающая саму плоскость, на которой стоит доска. Вы пытаетесь выиграть у лихорадки, сбивая температуру холодным полотенцем.

— А что предлагаешь ты, кровосос? —

ощерилась Рыжая, приподнимаясь на локтях. В полумраке ее клыки влажно блеснули серебром. — Твой род всегда был падальщиком. Ждал, пока мы перебьем друг друга в ваших бесконечных сварах, чтобы прийти и слизать остатки.

— Я предлагаю сменить правила игры, — спокойно ответил Илай.

— Вы боитесь их, потому что они — искаженное зеркало вашего прошлого. Они — то, чем вы были: стадо, ведомое желудком. А вы, — его обсидиановый взгляд скользнул по лицу Марка, задержался на бинте Ильи, — вы — их больная совесть. Вы цепляетесь за мораль, за память о супермаркетах и отпусках. Но мораль — это роскошь сытых.

Он вытянул вперед бледную, длиннопалую руку. Вены на ней казались нарисованными синей тушью.

— Я предлагаю яд.

Рыжая глухо заворчала, шерсть на его загривке встала дыбом.

— Твоя кровь? Хочешь сделать из нас марионеток? Превратить стаю в твоих гулей? ничо не попутал, демон ты бе-

лозадый?

— Ваша слюна, волк, — губы Илая тронула тень усмешки, не коснувшаяся глаз. — Твоя слюна. Вирус, что поднял их из могил — это скверна. Грязь. Но вирус ликантропии — это чистая, первобытная жизнь. Это абсолютный приказ клетки: «Восстановись. Сожри слабое. Изменись». Мертвые не восстанавливаются. Они лишь распадаются. Если мы сможем выделить активный фермент из твоей слюны, Марк сможет собрать распылитель.

Инженер моргнул, стряхивая оцепенение.

— Аэрозоль? — хрипло переспросил он. — Ты хочешь, чтобы мы заразили их жизнью? Чтобы вирус оборотня вступил в конфликт с некротоксином?

— Я хочу, чтобы мы заразили их войной, — поправил Илай. — Представь. Один мертвец кусает другого. В кровь попадает штамм Рыжей. Мертвая плоть получает приказ на регенерацию. Но мертвые клетки не могут делиться. Приказ наталкивается на абсолютный ноль. Что происходит, когда бессмертная команда сталкивается с невозможностью исполнения? Система сгорает. Их мертвые синапсы начнут плавиться от внутреннего противоречия. Они начнут пожирать друг друга не от голода, а от системной ошибки. Мы выпустим в их стаю первобытный хаос.

— А как же люди? — тихо спросила Лена. — Твоя кровь убивает нас. Твоя магия жрет наши души. Что сделает с нами дыхание оборотня?

— Аэрозоль нужно настроить на некротическую ткань, — устало потер переносицу Марк. Голос его впервые за долгое время обрел нотки бывшего профессионализма. — Нужен маркер. Разлагающийся гемоглобин. Если я соберу центрифугу из генератора бензовоза и магнитов, мы сможем...

— Поздно пить боржоми, когда почки отказали, — перебила его Рыжая. Она окончательно приняла промежуточную форму. Ее плечи стали шире, суставы хрустнули, выгибаясь под неестественным углом. Она встала на четвереньки, и ее голова почти уперлась в низкий потолок. — Я дам вам свою слюну. Но цена — кровь.

Золотые глаза впились в Марка.

— Нам нужна приманка, чтобы распылить это над их главной массой у Сити. Кто-то должен выехать на открытое шоссе на быстром байке. Отвлечь их на себя. Увести за горизонт. Животные не умеют водить. А твой брат ночи сгорит на солнце как сигаретка, если высунет нос до заката.

Илай медленно кивнул. В этом кивке не было ни жертвенности, ни героизма. Лишь холодный, математический расчет.

— Солнце сегодня сядет через три часа. У меня есть час форы, прежде чем эпителий начнет обугливаться. Я поведу.

— Ты? — выдохнул Марк. — Ты же аристократ. Белоручка. Привык что даже жопу подтирают тебе слуги. Ты боишься грязи.

— Я боюсь вечности, инженер, — тихо произнес вампир.

— А этот мир стал невыносимо скучным. Смотреть, как последние из вас забиваются в ржавые норы — унылая пьеса. Я хочу увидеть финал. И если для этого нужно стать пеплом, влекомым ветром над мертвым мегаполисом, — пусть будет так.

Илья, до этого молчавший, поднял голову. Его глаза лихорадочно блестели.

— Я поеду с тобой, — сказал он.

В фургоне повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь во-ем ветра снаружи и глухими ударами тел о металл.

— Ты мальчишка, — прорычала Рыжуля.

— Я уже укушен, — Илья кивнул на свою перевязанную ногу. — Если яд оборотня меня не убьет, то через пару дней меня доконает гангрена. А если твой план срывается, волк, я хочу увидеть это небо. Синее. Без запаха тухлятины. и будьте вы все прокляты, собаки вы сутулые. Ненавижу вас не меньше этих дохляков.

Илай посмотрел на подростка. Впервые за весь вечер в его obsidianовых глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание.

— Смелость — это самая нелепая и самая прекрасная из человеческих иллюзий, — прошептал он.

Марк тяжело вздохнул, поднимаясь на ноги. Он подошел к самодельному верстаку в углу, где под брезентом лежал его единственный работающий ноутбук и детали, собранные с десятка разбитых дронов.

— Центрифуга, магниты, сыворотка... совсем поехали — забормотал он, надевая очки с треснувшим стеклом. — Мне нужно четыре часа спокойствия без ваших высокоинтеллектуальных бесед.

— У тебя будет два, — отрезала Рыжая, когтем указывая на часы. — Потом я выпущу газ, чтобы вы не задохнулись от вони, пока мы будем снаружи. И я не про кишечник, унылые вы извраты. И молитесь своим забытым богам, чтобы ваш мертвый бог не услышал эту молитву.

Лена молча достала из рюкзака последнюю флягу с мутной дождевой водой. Отвинтила крышку и протянула ее Илье.

— Пей.

Мальчик сделал глоток.

Гул снаружи на мгновение стих, словно мертвая орда сделала один общий, судорожный вдох, почувствовав изменение в воздухе. А затем ударил с новой, удвоенной яростью, но было уже поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.